

Внешний мир был настолько ярким и разнообразным, что маленький уезд Ланьянь, затерянный в Цзянбэе, не мог и мечтать о таком. Когда Чэн Баоли с удивлением спросила, сколько стоила четырёхколёсная машина Чэнь Линлин, та лишь улыбнулась.

— Четыре тысячи? — Чэн Баоли предположила, что это должно быть дороже, чем их цветной телевизор, который стоил больше двух тысяч.

Чэнь Линлин мягко покачала головой.

Чэн Баоли сжала зубы:

— Десять тысяч?

Чэнь Линлин всё ещё молчала, и даже Чжэн Хайян смотрел на неё с широко раскрытыми глазами. Он думал: «Неужели это правда? Его месячная зарплата в 2013 году не могла сравниться с ценой машины в 1989 году?!»

— Тридцать тысяч?

— Пятьдесят тысяч?

— Сто тысяч?!

Произнеся эту цифру, Чэн Баоли почувствовала, что это уже сказка. Её месячная зарплата едва превышала сто юаней, а вместе с Чжэн Пином они зарабатывали не больше трёхсот! Сто тысяч — это было число, о котором она даже не смела мечтать.

Чэнь Линлин улыбалась, продолжая молчать. Чжэн Хайян был в шоке. В 2013 году он купил машину Кайюэ за 110 000, и это даже не покрывало стоимости Сантаны в 1989 году! Это было слишком жестоко!

Чэнь Линлин не стала развивать эту тему и рассказала Чэн Баоли о своих приключениях с Хань Чжицзюнем несколько лет назад на Хайнане:

— Самое яркое воспоминание — это когда мне было меньше двадцати, и я поехала с Хань Чжицзюнем на Хайнань. Это было самое запоминающееся событие в моей жизни. Повсюду люди перепродавали импортные машины, зарабатывая за раз несколько тысяч. А в Шэньчжэне был чёрный рынок, где спекулировали валютой, меняя доллары на гонконгские доллары по курсу один к трём, один к четырём, один к пяти. Мы приехали на пароме. Знаешь, сколько стоит чайное яйцо на берегу реки у вас?

— Сколько? Одно? Десять фэней? — Она даже намеренно завысила цену, ведь яйца в их районе стоили копейки.

— Пятьдесят фэней! — сказала Чэнь Линлин. — Если продавать триста яиц в день, за месяц можно заработать несколько тысяч.

Чэн Баоли и Чжэн Хайян замерли.

Боже мой! Чжэн Хайян понял, что, хотя он и был реинкарнацией, он совершенно не знал, как быстро развивался этот мир. Чайное яйцо на берегу реки стоило пятьдесят фэней? В его университетские годы они тоже стоили пятьдесят! Несколько тысяч в месяц?! В начале своей карьеры он зарабатывал всего 3 500! Он знал, что на Хайнане были спекуляции с

недвижимостью, но не знал, что уже в середине 80-х перепродавали импортные машины! И чёрный рынок валюты!! Этот маленький уезд в Цзянбэе действительно упустил множество возможностей и не успел за быстрым развитием эпохи.

Чэн Баоли была в шоке. Продажа яиц могла приносить тысячи?! Их семья зарабатывала столько за год, а кто-то мог заработать столько за месяц! И все эти незнакомые слова: спекуляция долларами, обмен гонконгских долларов, чёрный рынок. Она чувствовала себя маленькой лягушкой в колодце, совершенно не подозревая, что за её пределами простирается огромный океан!

Чжэн Хайян невольно перекатился на диване, возбуждённый услышанным. Чэнь Линлин, глядя на эту забавную мать и сына, улыбнулась. Она подумала, что эта семья действительно очень милая, и сказала:

— Если есть возможность, обязательно стоит выйти и посмотреть. Развитие внешнего мира действительно огромное. Некоторые люди даже сами решают заняться бизнесом. У Хань Чжицзюня был друг из Вэньчжоу, мы ездили к нему в родной город. Там почти в каждом доме занимались бизнесом, это было поразительно. Знаешь, что подавали на десерт? Пачку долларов на тарелке! И многие семьи так делали!

Повисла тишина.

Это была эпоха накопления капитала, где смелые процветали, а трусливые голодали. В тот день Чжэн Хайян наконец понял, что развитие эпохи уже началось, но они, запертые в этом маленьком уезде, ничего об этом не знали. Его родители, работая на государственном маслозаводе, вместе зарабатывали 300 юаней в месяц и были счастливы, не подозревая, что за пределами уже было множество людей, зарабатывающих 300 в день.

Оказывается, в Китае уже были люди с идеями и амбициями, которые первыми накопили первоначальный капитал.

Оказывается, подъём нации и трансформация эпохи уже начались.

В тот вечер Чэн Баоли и Чжэн Хайян не могли уснуть, их сердца бились в предвкушении, думая об этой эпохе и о своей ещё не начавшейся жизни.

На следующее утро Чэн Баоли встала, напевая, и начала готовить завтрак, выглядя очень счастливой. Чжэн Пин не выдержал:

— Что случилось? Почему ты так рада?

Чэн Баоли повернулась, не отвечая, и продолжала петь. Но только Чжэн Хайян знал, что его мать была так счастлива из-за того, что услышала вчера от Чэнь Линлин. Это подарило ей надежду и стремление к жизни.

Всего за два дня, просто пообщавшись с соседкой, его мать так изменилась. Чжэн Хайян чувствовал, что это было невероятно, и решил, что нужно держаться поближе к тётке Чэнь Линлин. Если не удастся завоевать её расположение, можно попробовать подружиться с малышом Хань И. В любом случае, он чувствовал, что это был хороший шанс. Он понял, что его понимание этой эпохи было ничтожным по сравнению с соседкой, и лучше было бы, если бы их семьи больше общались. Изменения происходят незаметно.

Конечно, сам Чжэн Хайян тоже изменился. Вернувшись в прошлое и увидев своих молодых

родителей, он стал лучше понимать их и стал ближе к семье. В прошлой жизни он не был близок с родителями, но теперь он был «послушным ребёнком», который мог порадовать мать и помочь ей в меру своих сил, мог понять отца и попросить его порадовать мать. Он не помнил, каким был в детстве, но теперь он точно был заботливым и добрым ребёнком.

В тот день Чэн Баоли, как обычно, после того как Чжэн Пин ушёл на работу, отнесла ребёнка к соседке. Она рано утром разожгла печь, поставила кастрюлю с супом у двери, чтобы Чэнь Линлин и Яньян могли поесть в обед.

Чэнь Линлин, перед тем как она ушла, сказала ей:

— Не ссорься с сестрой на людях. Если начальник цеха позовёт тебя, скажи, что это мелочь, небольшой конфликт между сёстрами, и что в следующий раз ты не будешь приносить семейные разногласия на работу.

Чэн Баоли кивнула:

— Поняла.

В тот день на работе начальник цеха снова вызвал её и Чэн Баоя. Чэн Баоли, видя, что её сестра больше не чувствует себя привязанной к ней, ощущала себя неловко, но, следуя совету Чэнь Линлин, она сделала вид, что всё в порядке, и назвала Чэн Баоя сестрой. На губах Чэн Баоя мелькнула холодная улыбка, но она быстро её скрыла, кивнула и села рядом с начальником.

Чэн Баоли накануне принесла подарки в дом начальника, не для того, чтобы искать покровительства, просто фрукты и две пачки сигарет, но это показало её отношение. Начальник был доволен, и, выслушав рассказ жены, на следующий день он разобрался в ситуации.

Начальник сказал:

— Вы, сёстры, работаете вместе в цеху, должны помогать друг другу. Мелкие конфликты нужно решать вовремя, не приносить их на работу, чтобы не влиять на себя, на работу и на других.

Чэн Баоя быстро закивала:

— Да, да, начальник, вы правы.

Но вдруг Чэн Баоли тоже заговорила:

— Начальник, вчера мы были неправы, принесли семейный конфликт на работу. В следующий раз такого не повторится, я уже всё обдумала.

Начальник был доволен её отношением и кивнул. Чэн Баоя удивлённо посмотрела на сестру. Она знала свою сестру как человека, который не умел держать удар, всегда молчал и не говорил лишнего. Когда она научилась так говорить? Прозрела?

Начальник посмотрел на Чэн Баоя, кашлянул и сказал:

— И, товарищ Чэн Баоя, если у тебя не было еды, можно было пойти в столовую. Завод больше не предоставляет обед для рабочих, но в крайнем случае можно было договориться.

<http://bllate.org/book/16484/1497854>